

Поляки и русские глазами друг друга (постановка проблемы на материалах политической карикатуры)

АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ

Исследование культуры без возникновения у исследователя культурного шока похоже на обучение плаванию без воды — считал Гирт Хофштед (Geert Hofstede).¹ Этот голландский этнопсихолог разослал сотрудникам IBM по всему миру более ста тысяч анкет-вопросников и, изучив их, пришел к выводу, что их компьютеры запрограммированы одинаково, а мозги — по-разному.² Проблема кажется очевидной, но мы редко ее осознаем, требуя от нашего партнера/соперника, чтобы он думал и воспринимал мир так же, как мы. В крайних случаях: «Религиозные группы все узурпируют себе права обладать Абсолютной Правдой или Абсолютной Праведностью, что должно оправдывать подчинение других своим законам».³ Так я смотрю на конфликты в Ираке, Чечне, Палестине... Разная «культурная запрограммированность» и узурпация права обладать Абсолютной Истиной являются и источником польско-русских конфликтов и разногласий.

---

1 G. Hofstede, “Culture Consequences: International Differences in Work Related Values,” in Geert Hofstede and Małgorzata Durska, *Kultury i organizacje: Zaprogramowanie umysłu* (Warsaw: Polskie Wydaw. Ekonomiczne, 2000), p. 31.

2 Ibid. p. 29.

3 Ibid. p. 30.

***

Работа над русско-польско-английским лексиконом «Идеи в России»⁴ обеспечила исследователей методологией, дающей возможность постановки и изучения проблемы стереотипов и взаимных предубеждений русских и поляков. Мы пришли к выводу, что осознание и описание культурного контекста этих предубеждений и разногласий (дело ведь не всегда в конфликте, иногда это лишь недоразумение на уровне «языка и грамматики» культуры) поможет в их преодолении.

Во вступлении ко второму тому «Идей в России» я писал: „Изучая другие культуры, часто, не определив дефиницию, мы употребляем понятия и категории, значение которых в сознании нашей культуры закрепилось иначе, чем в изучаемой, или наоборот — делаем кальку понятий, не задумываясь над тем, что в нашей культуре они обозначают что-то другое. Мы ведем разговор, который не является диалогом, так как понимаем лишь себя, забывая о собеседнике [...] Категория демократии в нашей культуре тесно связана с политической свободой и либерализмом. Мы воспринимаем ее как положительную ценность. По-другому в России. Там демократию противопоставляют, например, аристократии, (хорошая иллюстрация к вышесказанному: демократия — это политический режим, а аристократия — это социальный слой) и из сферы политики переносят ее в социальную действительность, говоря, напр., о революционных демократах (противопоставляя их либералам). Мы делаем кальку этого бессмысленного в нашей культуре понятия и говорим о нем всерьез, забывая, что в нашем понимании мира демократия и революция не совместимы, как и не совместимы демократия и нигилизм.

Стоит задуматься над словами Солженицына о современной России: «Горе стране, где слова патриот или демократ считаются

---

4 A. de Lazari, ed., *Idee w Rosji, Ideas in Russia: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, vol. 1–5. (Łódź: Semper, 1999–2003).

бранью...».⁵

Вопреки Тютчеву и другим романтикам, в «Идеях в России» мы решили умом понять Россию — мы вернулись к истокам и начали описывать понятия и категории русской культуры. Затем мы изучали взаимные предубеждения поляков и русских как следствие их «культурной запрограммированности».

Первой изданной нами книгой были материалы интернет-беседы, которую мы провели, разрабатывая методологические основы проекта.⁶ Затем мы провели в Москве конференцию о “польской и русской душе”,⁷ результатом которой стали: коллективная монография «Польская и русская душа. Современный взгляд»⁸ и антология на польском и русском языках «Польская и русская душа (от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына). Материалы к “каталогу” взаимных предубеждений поляков и русских».⁹ Результаты наших социологических и психологических исследований, а также часть материалов о польской и русской “культурной запрограмми-

---

5 *Idee w Rosji, Ideas in Russia*, vol. 2 (Łódź: Ibidem, 2000), pp. 6–8.

6 A. de Lazari, ed., *Wzajemne uprzedzenia pomiędzy Polakami i Rosjanami: Materiały konferencyjne* (Łódź: Ibidem, 2001).

7 См.: Поповский С. Польский гонор и русская душа // Новая Польша. 2003. № 3 [<http://www.novopol.ru/index.php?id=176>](дата доступа: 9 октября 2007); PAP, Rozmawiali jak dusza z duszą [http://wiadomosci.wp.pl/wiadomosc.html?wid=304060&_err=1&ticket=cookies_off] (дата доступа: 9 октября 2007).

8 A. de Lazari, and R. Bäcker, eds., *Dusza polska i rosyjska. Spojrzenie współczesne* (Łódź: Ibidem, 2003).

9 *Dusza polska i rosyjska (od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Sołżenicyna)*. A. de Lazari, ed., *Materiały do “katalogu” wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan* (Warsaw: PISM, 2004); Поповский С. Польская и русская душа. Warsaw, 2004. См.: Глебова О. Душа русская, душа польская // Русский курьер Варшавы. 2004. № 3/4 [http://www.megaone.com/rkw/dusza_x.htm] (дата доступа: 9 октября 2007); Матерцов В. Разные судьбы и разные души // Московские новости. 2004. № 19 [<http://www.mn.ru/issue.php?2004-19-19>] (дата доступа: 9 октября 2007); R. Karyś, Dialog dusz. Polska-Rosja: Wzajemne uprzedzenia, “Sprawy Nauki” 2004, № 6–7 [<http://kiosk.onet.pl/art.html?DB=162&ITEM=1171914&KAT=242>] (дата доступа: 9 октября 2007).

рованности” мы поместили в книге «Поляки и русские — преодоление предрассудков». ¹⁰ Кроме того в университете вышла монография «Коммунизм в России и его польские интерпретации», ¹¹ подготовлена диссертация «Moskwicin — Moskal — Rosjanin в частных документах. Портрет», ¹² переводы «Русской идеи» ¹³ Владимира Соловьева и «Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией» Виктора Ерофеева. ¹⁴ Завершил наш проект «Каталог взаимных предрассудков поляков и русских», ¹⁵ к которому приложен CD с полной библиографией. Надеемся издать альбом «Поляк и русский в карикатурах друг на друга».

***

Поляков от русских (в массе, конечно) в первую очередь отличает отношение к индивидуализму и к коллективизму (как бы последний ни называть: общиной, народом, классом или соборностью). Русские давно это заметили и отмечали: Пушкин в «кичливом ляхе», Достоевский в «гоноровом пане» (Игрок) и в образах других гордых «полячишках». В карикатуре «польского пана» изображали так: (Рис. 1, 2)

Поляки платили тем же. Бронислав Трентовский издевательски

---

10 Andrzeja de Lazari and Tatiany Rongińskiej, eds., *Polacy i Rosjanie—przewycięzanie uprzedzeń* (Łódź: Ibidem, 2006).

11 Marian Broda and Justyna Kurczak, Przemysław Waingertner, *Komunizm w Rosji i jego polskie interpretacje* (Łódź: Ibidem, 2006).

12 Aleksandra Niewiara, *Moskwicin—Moskal—Rosjanin w dokumentach prywatnych: Portret* (Łódź: Ibidem, 2006).

13 Władimir Sołowjow, *Rosyjska idea*, przełożyła L. Kiejzik (Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2004).

14 W. Jerofiejew, *Encyklopedia duszy rosyjskiej: Romans z encyklopedią*, przełożył, glosarium i przypisami opatrzył Andrzeja de Lazari (2003; repr., Warsaw: Czytelnik, 2004).

15 *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*, pod red. A. de Lazari, Warsaw 2006.

писал: «Тот, кто намерен жить в России, пусть уверует в московский ум, пусть наберется азиатских понятий [...] Ибо горе, горе тому, кто не обладает московской душой и по-польски глуп! Произведен будет такой сукин сын, бунтовщик и мятежник, в солдаты или сослан пешком в каторжную работу в Сибирь. И закончит жизнь на Нерчинских заводах»¹⁶ (Рис. 3).

Различия в нашей культурной запрограммированности наглядно видна в призывах за что бороться: у русских — «За Бога, Царя и Отечество» (в сталинское время — «За Родину! За Сталина!»); у поляков — «За Бога, Гонор и Отечество» (в «реальном социализме»: «за Гонор и Отечество»). Именно этот «гонор», в русском сознании, как правило, отрицательный, заносчивый, не отождествляемый с честью, является основой польской культурной запрограммированности. Русское же отношение к «польскому гонору» один из современных публицистов отразил в анекдоте: «поляки глотают сырые яйца, чтобы даже дерьмо с глянцем выходило».¹⁷

Стоит, однако, отметить, что по крайней мере для одного русского писателя гонор стал положительной ценностью. Это — Юрий Домбровский, герой которого — Зыбин — спас себя и свою честь, благодаря гонору. Он не сдался следователю, который его уговаривал:

— Эх, оставили бы вы свой глупый гонор, батюшка, и поглядели бы в глаза, так сказать, простой сермяжной правде! Ей-богу, это не повредило бы! Гонор, нор, “не тронь меня” — это все хорошо, когда имеет хождение. А здесь не тот банк! Тут допрос! И не просто допрос, а активный! А это значит, что, когда вас спрашивают, надо отвечать, и отвечать не как-нибудь, а как следует. («Факультет ненужных вещей»).

---

16 Трентовский Б. Изображения национальной души, написанные Соотечественником. (Париж, 1847) // Польская и русская душа от А. Мицкевича и А. Пушкина... С. 71.

17 Шпундт К. Паладины отстоя [http://udod.traditio.ru/otstoy.htm] (дата доступа: 1 декабря 2006).

Это из-за гонора поляки, наподобие Зыбину Домбровского, в сибирской ссылке, по словам тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича, «невольно замыкаются сами в себя и создают какой-то призрачный мир, искусственную сферу, составляющую аномалию общественной жизни».¹⁸

На русское Мы, неприемлемое для поляков, в России работали поколения. Алексей Хомяков, противопоставляя свой идеал западному мышлению, писал: «В Европе [...] не допускают ничего истинно-общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола».¹⁹ Вся борьба за так называемую народность, начатая в русской мысли в эпоху романтизма, привела в конце концов к полному поглощению индивида в советском Мы-народе. Когда Замятин создавал свою антиутопию, советское Мы еще не образовалось, но уже «носилось в воздухе». Ведь богоискатель Горький говорит: «Все несчастья начались от того, что первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа... и сжалась от страха, перед одиночеством и бессилием своим... Я — злейший враг человека».²⁰ И коммунизм уничтожил этого «врага», чтобы получилось как в Катехизисе революционера Нечаева: «Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени».²¹

Захват власти большевиками и их мечты о мировой революции привели в России к переоценке мышления и созерцания мира. В 20-е годы большевистской культурой управляли идеологи так называемого Пролеткульта — движения, отбрасывающего всю идеологическую и эстетическую традицию, в том числе категории народа-нации и народности-национальности. Для пролеткультовцев ос-

---

18 Цит. по: *Мулина С.А.* Участники польского восстания 1863 г. в Сибири. Проблемы адаптации // *Азиатская Россия. Люди и структуры империи* / Ред. Н. Г. Суворова. Омск, 2005. С. 496–509.

19 *Хомяков А.С.* О сельской общине. Ответное письмо А.И. Кошелеву. СПб. 1849.

20 *Горький М.* Исповедь. СПб., 1908.

21 *Нечаев С.Г.* Катехизис революционера // *С.П. Жаба.* Русские мыслители о России и человечестве. Антология русской общественной мысли. Париж 1954. С. 143.

новой категорией стала классовость, а говоря точнее — пролетарскость. Пролетарская культура — вне всяких границ. Такое мнение было результатом прямого прочтения известных слов из Коммунистического манифеста о том, что “рабочие не имеют отечества.” Ведь после торжества мировой революции рабочие всех стран должны были соединиться в действительности без национальных границ.

С такими лозунгами большевики двинулись на войну с Польшей в 1919 году. Их официальным врагом стал «польский пан». Владимир Маяковский призывал:

Бей панов,
К победе иди!
Но если
В плен рабочий, —
Щади²²

В «Окнах РОСТА» звучало это так: «Мы воюем с панским родом, а не с польским трудовым народом».

Большевицкая пропаганда разделила польское общество на плохих «панов» (Пилсудский, офицеры, правительство, помещики, фабриканты, полицейские, профессора, журналисты) и хороших поляков (рабочие, крестьяне, учителя, врачи, дети и польские коммунисты). «Польский пан» изображался с большим животом, усатым, слазавым, кичливым, в шляхетской одежде, в шапке-конфедератке и с саблей (Рис. 4–6).

«Польский пан» хочет закрепостить труженников и к тому же — он марионетка международного капитала (Рис. 7–9).

Добро и зло отличались цветом. На фоне бедного колорита польской прессы видно, что большевики не жалели средств на цветную агитацию. Красный — символизировал добро, белый — зло, ведь еще шла война хороших-красных с плохими-белыми. Отсюда идеологическое определение польского врага — «белополяки».

---

22 *Маяковский В.* Щадите пленных. // Окна РОСТА, № 213, август 1920.

Завершение польско-большевистской войны ничего не изменило в советском изображении Польши. Она по-прежнему агрессивная, жадная и ненасытная марионетка империализма и классовый враг (Рис. 10–12).

Поляки же отправились на войну с большевистской Россией со знаменами национальными. Только что обретенная независимость была высшей ценностью как в политической мысли, так и в общественном сознании. Врагами Польши оставались по-прежнему Германия и Россия, однако в карикатурных изображениях Россия перестала быть Московией (та, побежденная большевиками, стала жалкой). Ее место занял новый враг, гораздо страшнее царизма — жидокоммуна. Образ врага в Польше начали строить не столько на русофобии, сколько на антисемитизме. Врагом польского народа (и русского!) в первую очередь стал “безнациональный” большевик, меняющий «европейскую» Россию на «еврейскую» (Рис. 13–15).

«Монгольское» варварство и звериная непредсказуемость русских, изображенные польской публицистикой конца XIX–начала XX веков, в карикатуре 20-х лет ушли на задний план (Рис. 16–17).

Насколько «польский пан» в советской карикатуре был смешон и ничтожен, настолько же большевик в польской карикатуре вызывал угрозу и страх. Зато большевистский образ пузатого «пана» сопоставим с польским изображением толстушки Германии. В 20-е годы в Польше опасности ожидали прежде всего с востока (Рис. 18).

Образ поменялся в 30-е годы. Германская угроза, репрессии по отношению к евреям, а вдобавок сталинские «зачистки» в СССР, отодвинули польский антисемитизм на задний план, и «враг с востока» стал более «русским». В совдепии началась «бестроцкая жизнь»²³ под «серпом и молотом» и «красной звездой» (Рис. 19–22). Поляки стали находить сходство между гитлеровской Германией и советской Россией и видеть угрозу с обеих сторон (Рис. 23–25).

После 1 сентября 1939 года полякам было уже не до смеха —

---

23 «Бестроцкая жизнь» — по-польски «beztrockie życie» — ассоциируется с польским «beztroskie życie» — жизнью без забот.

началась война. Советская же пропаганда получила «боевое задание» оправдать «освободительный поход» Красной Армии на западную Украину и Беларусь, бывших тогда частью Польши (Рис. 26–28).

Оправдание нашлось, конечно, «классовое»: Красная Армия «освободила трудящихся» из-под гнёта «польского пана». «Польский пан» как классовый враг исчезнет из советской пропаганды лишь после 22 июня 1941 года, но потом опять возродится в образах польской эмиграции на Западе (Рис. 29–30).

Облик же «хорошего», трудящегося поляка, освобожденного советскими войсками от фашистского оккупанта, живущего в Польской Народной Республике, в советской карикатуре исчезнет даже на картинках, «защищающих» его от западных врагов (Рис. 31–32).

За исключением коммунистической прессы, поляки в большинстве не восприняли коммунизм как освобождение. Польская эмиграция была беспощадна в такой оценке со времен Второй мировой войны до распада СССР (Рис. 33).

В самой же ПНР карикатурный образ СССР и советского человека ушел на кухню и в самиздат, особенно оживившийся во времена Солидарности и военного положения в 80-е годы (Рис. 34–37).

Из образов послевоенного восточного врага окончательно исчез жидобольшевик. СССР и коммунизм поляки начали отождествлять с «медвежьей» Россией, которая в очередной раз подчинила себе польское государство. «Прощание с коммуной» (См.: Рис. А. Млечко ниже) для многих поляков — это одновременно освобождение от «русских» солдат и «русской» оккупации. На польских рынках каждый торгующий барахлом из бывшего СССР воспринимался как жалкий «русек» (русский) (Рис. 38–40).

В средствах массовой информации постепенно польский антикоммунизм превращался в русофобию, а Россия — в главного врага (правда, это четче отразилось в публицистике, а не в карикатуре). Быть сегодня в Польше антисемитом неловко, питать антинемецкие чувства неуместно, русофобия же вполне дозволена (Рис. 41–43).

В отличие от Польши, в которой каждый день, в каждой газете и на каждом телевизионном канале появляется опасная Россия, в российских СМИ Польши сегодня почти нет. Польша не представляет опасности, поэтому очень сложно найти какие-нибудь карикатуры на поляков. Единственная карикатура с поляком, которую мне удалось найти — на Буша и его союзников в борьбе с Садамом Хусейном. На ней бывший польский президент, Александр Квасневски, чистит Бушу ботинки (Рис. 44).

Завершая свой обзор, я вернусь к «культурной запрограммированности», к польскому индивидуализму и русскому коллективизму. Благодаря индивидуализму и «гонору» польской шляхты ни одному королю в голову не приходило закрепощать ее и делать из шляхтичей рабов, благодаря индивидуализму польского мужика в Польше не удалось построить колхозы и именно благодаря «гоноровым панам» возникла польская Солидарность и рухнул коммунизм. В то же время именно польский индивидуализм-эгоизм привел в свое время к упадку польское государство. Сегодня этот индивидуализм мешает полякам понять, что происходило и происходит в России, почему, например, российское население поддерживает своего президента. Для поляков Путин — царь и империалист; для русских — он позитивный символ государства-державы (впишите в поисковик “*car Putin*” — появится несколько тысяч ссылок; впишите «царь Путин» — их будет во много раз меньше). Поляков империя закрепощает, русских освобождает. Поэтому поляки все опасаются России, а русские про Польшу почти забыли.

Список иллюстраций

Рис.1 Орловский А.О. «Воевода на Пыздрах». 1831. *Верещагин В.А.* Русская карикатура. Т. 3. А.О. Орловский. СПб., 1913.

Рис.2 «Россия для поляков!». Красноармеец. 1920. (На Западный фронт. Экстренный номер). С 62.

Рис.3 «Русская цивилизация (карикатура XIX в.)». *Трынковский Я.* Сибирь. Этап и каторга (По воспоминаниям ссыльных поляков). Родина. 1994. № 12. С. 99.

Рис.4 «Мы воюем с панским родом, а не с польским трудовым народом!». Окна РОСТА, № 188. 1920.

Рис.5 Маяковский В. «Украинцев и русских клич один — да не будет пан над рабочим господин». 1920. *Бутник-Сиверский Б.С.* Советский плакат эпохи гражданской войны. 1918–1921. М., 1960. С. 640.

Рис.6 Дени В. «Спешите пана покрепче вздуть! Барона тоже не забудьте!!!». 1920. *Свиридова И.А.* В.И. Дени. М., 1978. С. 72.

Рис.7 Дени В. «Крестьянин! Польский помещик хочет сделать тебя рабом. Не бывайте этому!». *Полонский В.* Русский революционный плакат. М., 1925. С. 49.

Рис.8 Дени В. «Ясновельможная Польша — последняя собака Антанты». 1920. *Свиридова И.А.* В.И. Дени. М., 1978. С. 59.

Рис.9 «Пилсудски». 1920. *Маяковский В.В.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М., 1973. С. 399–401.

Рис.10 «Пилсудский точит зубы на СССР». 1926. Борис Ефимов в «Известиях». Карикатуры за полвека. М., 1969. С. 41.

Рис.11 «Аппетит ясновельможного пана». 1927. *Дени В.Н.* Мы, наши друзья и наши враги в рисунках Дени. М.-Л., 1930. С. 103.

Рис.12 «Пан Пилсудский перед Антантой». Крокодил. 1922. № 1. С. 6.

- Рис.13** «Jewrejskaja Rossija». *Mucha*, no. 40 (1919).
- Рис.14** «Rosja». *Mucha*, no. 19 (1919).
- Рис.15** B. Nowakowski, «Dżengis-chan współczesny». *Mucha*, no. 30 (1920).
- Рис.16** «Ex Oriente lux». *Mucha*, no. 15 (1919).
- Рис.17** B. Nowakowski, «Połowanie na niedźwiedzia». *Mucha*, no. 31 (1920).
- Рис.18** B. Nowakowski, «Odwieczna družba». *Mucha*, no. 38 (1919).
- Рис.19** F. Topolski, «Hocki-Trocki Z powodu przeniesienia Trockiego pod Moskwę». *Cyruлик Warszawski*, no. 7 (1920).
- Рис.20** W. Daszewski, «Po wysiedleniu Trockiego z Rosji. Bezrockie życie». *Cyruлик Warszawski*, no. 12 (1929).
- Рис.21** B. Poświk, «Sytuacja obywatela w Rosji sowieckiej». *Cyruлик Warszawski*, no. 47 (1932).
- Рис.22** R. Andersen, «Ciężko». *Mucha*, no. 19 (1930).
- Рис.23** «Bezbożnicy przy pracy». *Mucha*, no. 32 (1935).
- Рис.24** B. Fedyszyn, «Porozumienie wrogów». *Mucha*, no. 42 (1936).
- Рис.25** «Po ostatnich wypadkach w Niemczech». *Mucha*, no. 9 (1938).
- Рис.26** Ганф Ю. «Крокодил переходит границу». Крокодил. 1939. № 27. С. 1.
- Рис.27** Радлов Н. «Недолго музыка гремела». Крокодил. 1939. № 28. С. 16.
- Рис.28** Каневский А. «Два перехода границы». Крокодил. 1939. № 27. С. 4.
- Рис.29** Ротов К. «Весна в Париже». Крокодил. 1940. № 5. С. 13.
- Рис.30** Елисеев К. «Панские небылицы в заморской столице». Крокодил. 1945. № 21. С. 2.

Рис.31 «Смятенье стаи воронья». 1982. *Ефимов Б.* Разящим ударом. М., 1985. С. 131.

Рис.32 «Тщетно вы грозите, господа...». 1982. *Ефимов Б.* Разящим ударом. М., 1985. С. 130.

Рис.33 **W. Krawiec**, «Fortuna kolem się toczy». *Polish Daily News*, 1957 [оригинал: Muzeum Karykatury w Warszawie, nr МК 11739].

Рис.34 **A. Krauze**, «Kochani polscy towarzysze!» 1981. Andrzej Krauze's Poland with a Preface by George Mikes (London: N. Karsov, 1981).

Рис.35 «Socjalistycznej Polski, bratniej Polski nie opuścimy w biedzie». Solidarność Ziemi Kutnowskiej, 10.07.1981.

Рис.36 Самиздатские деньги «Pierwyj Eksperymentalnyj Russkij Dolar, Jeden pierdol», 1984 [pierdol – слово из польского мата].

Рис.37 Самиздатские почтовые марки Солидарности.

Рис.38 **Andrzej Mleczko**, «Farväl Till Kommunismen, Sverige Federativs förslag». 1993 (рисунок – обложка этой книги).

Рис.39 **Sz. Sadurski**, *Dobry Humor*, no. 4 (1992).

Рис.40 **E. Lipiński**, «Wania, kagda pajediesz damoj?». *Szpilki*, no. 16 (1991).

Рис.41 **M. Bieniasz**, «Borys Jelcyn» [<http://www.bieniasz.se/mab/>].

Рис.42 **A. Chodorowski**, «Jelcyn». *Szpilki*, no. 4 (1995).

Рис.43 **T. Wilczkiewicz**, «Putin», *A. de Лазари и О. Рябов.* Русские и поляки глазами друг, друга. Сатирическая графика. Иваново: Издательство ивановского гос. университета. 2007. **Рис.111.**

Рис.44 **Мочалов В.** «Джорж Буш очень рад». Новый Крокодил. 2003. № 6. С. 1(обложка).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

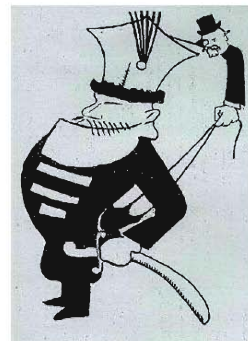

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

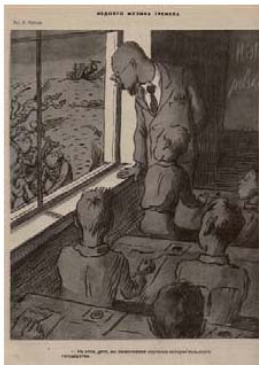

Рис. 27

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

„Nowy Dział” nr 491 12.11.43 r.

Рис. 33

Рис. 34

Рис. 35

Рис. 36

Рис. 37

Рис. 38

Рис. 39

Рис. 40

Рис. 41

Рис. 42

Рис. 43

Рис. 44